

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭТИКА ИЛИ «ЭФФЕКТ ГОНИМОЙ ГРУППЫ» — ВОЗМОЖНА ЛИ ОДНОЗНАЧНОСТЬ?

(ОТВЕТ И.В. РОЗМАЙНСКОМУ И Ю.В. ЛАТОВУ)

РАСКОВ ДАНИЛА ЕВГЕНЬЕВИЧ,

*кандидат экономических наук, доцент,
руководитель Центра исследований экономической культуры,
Санкт-Петербургский государственный университет,
e-mail: danila.raskov@gmail.com*

Отвечая на замечания своих рецензентов, автор монографии «Экономические институты старообрядчества» уточняет свою позицию по ряду вопросов. По его мнению, жесткое противопоставление роли хозяйственной этики «эффекту гонимой группы» вряд ли целесообразно, поскольку оба фактора были существенно значимыми. Автор признает зависимость идей своей монографии от подходов М. Вебера, которые в современном обществоведении существенно скорректированы. Тем не менее, анализ некоторых case-study (например, старообрядческой экономики XX в. в латиноамериканских странах) показывает, что сближение старообрядцев с носителями «протестантской этики» имеет определенные основания.

Ключевые слова: старообрядческое предпринимательство; капитализм; институциональное развитие; этно-конфессиональные меньшинства.

Responding to the comments of reviewers, author of the book «The Economic Institutions of the Old Believers» clarifies his position on several issues. In his point of view, the rigid opposition the role of business ethics to «the effect of the persecuted groups» is hardly appropriate, since both factors were considerably significant. The author recognizes the dependence of the ideas of his monograph on the attitudes of M. Weber, which are substantially adjusted in the modern social sciences. However, analysis of some case-study (for example, an old believe economy in Latin American countries in XX century) shows that the convergence of the Old Believers with «Protestant ethic» bearers has some justifications.

Keywords: Old Believers enterprise; capitalism; institutional development; ethnic and religious minorities.

Коды классификатора JEL: N34, O17, R11.

С чувством благодарности за внимание к моей работе позволю себе несколько предварительных замечаний на вопросы, поставленные в рецензиях И.В. Розмайнского и Ю.В. Латова. Заранее приношу извинения, что моя реакция коснется лишь части из этих вопросов.

Прежде всего, должен отметить, что высказанные замечания и дополнения носят исключительно плодотворный и творческий характер и послужат для дальнейшего обсуждения судеб русского капитализма, теоретических интерпретаций экономических успехов конфессиональных меньшинств, разнообразных граней феномена старообрядческого предпринимательства.

Центральным моментом в обеих рецензиях стало желание устранить неоднозначность и недоговоренность в интерпретации и оценке роли староверов в становлении и генезисе капитализма в России. Не будет преувеличением сказать, что Розмайнский в большей степени неявно солидаризуется с позицией М. Вебера, соглашаясь, что именно устойчивые особенности картины мира, такие как эсхатологическая чувствительность, поиск новых путей спасения, воплощенные в трудолюбии, бережливости, мирской аскезе, рационализации и общинном служении и других чертах хозяйственной этики стали ключевыми для понимания особой роли старообрядцев в становлении капитализма в России. Именно поэтому уважаемый рецензент выделяет

вторую главу об особенностях картины мира, хозяйственной этики и хозяйственного стиля как наиболее интересную. Признаться, это совпадает и с моей собственной оценкой, поскольку детали, архивные изыскания и статистические поиски первой главы интересны для более узкого круга лиц, специально интересующихся вопросами экономической истории России и старообрядчеством. Во второй же главе сделана попытка показать богатую и разнообразную палитру хозяйственной этики старообрядчества в части отношения к богатству, собственности, проценту и росту.

Латов, напротив, фактически предлагает усомниться в решающем значении конфессионально-этической мотивации (в терминологии В.В. Керова, с которым он также вступает в незримый спор) приверженцев старой веры. Как Александр Гершенкрон (*Gerschenkron* 1970), он предлагает обратить более пристальное внимание на социальное положение староверов как конфессионально гонимого меньшинства, которое из крайней нужды и, реагируя на те возможности, которые давало традиционное общество, занимает нишу, связанную с торговлей и промышленностью. Такая интерпретация отсылает к Уильяму Петти, который указывал на то, что «сектантская часть общества» или в буквальном переводе «гетеродоксальная часть общества» всегда проявляет большую склонность к занятиям третьего сословия. В теоретическом плане Латов ставит вопрос о том, что девиантные этно-конфессиональные группы чаще проявляют себя в экономическом плане за счет создания особых рент в системе, которую можно обозначить как ранний, традиционный или «допотопный» капитализм. Тем самым, несколько радикализируется мой более мягкий тезис о том, что успехи старообрядческого предпринимательства следует увязывать по большей части с традиционным капитализмом. Фактически, Латов, давая более стройный вид интерпретации, и, тем самым, сближая ее с экономической теорией дискриминации (*Г. Беккер*), экономическим объяснением успехов сект и строгих конфессий (*Iannaccone* 1994), неявно намекает на целесообразность редукции описания до девиантного положения. При таком подходе, проведенном последовательно, рассмотрение содержательных аспектов хозяйственной этики, религиозных, исторических и культурных особенностей ревнителей старой веры, оказывается уже избыточным. Отсюда и изменение причинно-следственной связи: хозяйственный стиль эпохи порождает и пестует специфические добродетели и формирует «картину мира», которая оказывается производной от социально-экономического развития. Отсюда и скепсис относительно буржуазных добродетелей и этоса.

Авторы рецензий совершенно справедливо отмечают, что представленная книга дает разнообразную палитру отдельных историй, вводит новые архивные документы, уточняет оценки по динамике роли старообрядческого предпринимательства, подробно вникает во многие детали этики, истории, культуры, намечает контуры институционального синтезирующего объяснения, но не содержит простого и однозначного ответа на вынесенный в заглавие вопрос: этика или социальное положение? Судя по текстам рецензий, Розмаинскому более импонирует исследование хозяйственной этики и стиля, Латову — структурного включения замкнутой группы в систему экономических отношений. Эта система может предполагать и нелегальную деятельность — подделка документов, особые связи и договоренности с чиновниками (что-то приближающееся к коррупции), рентные отношения. Со стороны власти — возможность личного обогащения, конфискации имущества. Если избрать стратегию «гонимого меньшинства», то это дает большие возможности по проведению сравнений и пониманию универсального значения этого явления в разных исторических обстоятельствах. В таком контексте получают теоретически оправданное звучание метафорические сравнения религиозной общины с сектой, бандой, криминальным «общаком», мафией. Бунт, неповиновение может сравниваться с восстанием у сектантов, революционеров и любых других «несогласных». Старообрядцы могут сопоставляться с иудеями, радикальными исламистами, квакерами, меннонитами, молоканами, пятидесятниками и скопцами. Касательно последних сравнений, надо отметить, что подобная работа, крайне необходима для более полного понимания и истолкования роли староверов в генезисе русского капитализма. Сохраняется вопрос о выборе правильной дистанции в исследовании. При выборе подхода меняется угол и дистанция исследования. Увеличение дистанции от предмета исследования смещает акцент на изучение факта дискриминации и девиантности, абстрагируясь от причин и деталей.

Приходится признать достаточно большую зависимость моей книги от теоретических положений Макса Вебера (*Румянцев* 2012). В известном смысле критика и переосмысление его положений, разбор дискуссий, оставило разговор в дискурсе, который задан «Протестантской этикой и духом капитализма» и другими уже более систематичными работами этого автора. Попытка уйти

от Вебера дала некий обратный эффект зависимости от его положений. Вопрос, который задают мне авторы рецензий вполне справедлив: почему бы в большей степени не ориентироваться на раннюю институциональную экономическую теорию и экономическую антропологию? Или иными словами: чем Вебер лучше Карла Поланьи и Торстейна Веблена? Должен признать, что я не вижу радикального отличия. Все эти авторы исходят из того, что экономика как таковая является институциональным, встроенным в общество и власть процессом. Пожалуй, Поланьи, как никто другой, смог найти теоретические конструкты для описания архаичной, дорыночной экономики, построенной на взаимности, перераспределении и обмене. Важно, что все эти авторы рассматривают экономику как часть культурной деятельности человека. Самый мощный фактор современности для Европы начала XX в., изменивший мир, — капитализм, все они склонны рассматривать как историко-культурный феномен.

Как справедливо отмечает Латов, тезис Вебера в самом обобщенном виде до сих пор является предметом обсуждения в среде экономистов. Так, достаточно большой резонанс вызвала статья С. Беккера и Л. Воссман «Ошибался ли Вебер? Теория человеческого капитала о протестантской экономической истории», где с применением эконометрических выкладок показывалось, что не трудовая этика, а образование и грамотность стали решающим фактором в условном соперничестве протестантов и католиков в Пруссии (*Becker and Woessmann 2007*). К похожим выводам, вынесенным в заголовок статьи «Протестанты и католики: одинаковая трудовая этика, разная социальная этика», приходит и современный экономист институционального направления Бенито Аррунада (*Arrunada 2009*). В моей интерпретации Вебера важны следующие акценты. Речь идет об исследовательском этюде, никакого тезиса Вебера не существовало. Вебер несколько преувеличивал на тот момент значение капитализма как явления мировой истории и западноевропейской культуры. Очевидно, что описываемая им рациональность не имела столь универсального значения. Это блестяще показали историки — Люсьен Февр, Фернан Бродель, а позднее и Джованни Арриги (2006). В действительности блистательные средиземноморские города-государства — Флоренция, Венеция, Генуя — сыграли не меньшую роль в зарождении и развитии капитализма. Особая мотивация протестантов оказалась востребована в рамках новой системы найма и инвестирования. Тем не менее, это во многом стало результатом стечения случайных событий («констелляция») и относилось лишь к генезису нового типа институтов. В дальнейшем, напротив, антитрадиционализм протестантов способствует более быстрой секуляризации, что сыграло большую роль в превращении общества, где доминировал протестантизм, в современное. Попутно замечу, что для ситуации постмодерна (см. *Расков 2004*) практики, которые использовали иезуиты, оказываются гораздо более значимыми: взаимообогащение культур, большая пластичность во многих вопросах. Достаточно вспомнить крещение индейских племен в Латинской Америке с включением элементов местных танцев, особый стиль в архитектуре церквей, который получил название тупи-гуарани, создание письменности для местных народов и т.д. Если сопоставить это с едкими замечаниями Маркса по поводу решений протестантских общин о повышении цены, выплачиваемой за скальп индейца при продвижении вглубь континента, то разница становится очевидной.

Надо признать, что я во многом согласен с рядом ответов, которые дают на свои вопросы сами авторы рецензий. В частности, это касается и вопроса Розмаинского об уточнении используемых понятий. Я условно различал два плана изменений — одни касаются уровня самосознания и мышления, другие — используемых практик, которые становятся рутинными и повседневными. Первое понятие можно обозначить как картина мира, второе как хозяйственный стиль. Восходящее к А. Гуревичу понимание картины мира, которое дает Латов («исторически сложившаяся в сознании социальной группы совокупность представлений (стереотипов) об окружающем мире, которые помогают осмыслять действительность»), соответствует целям моего исследования. То же самое касается определения хозяйственного стиля у Розмаинского («укоренившиеся в обществе образцы экономического мышления, общения и поведения»). Попутно замечу, что использовал понятие хозяйственный стиль под влиянием работ О. Шпенглера. Последний подчеркивал, что необходимо создавать такую политическую экономию, которая занималась бы морфологией экономической стороны жизни, физиономией экономики, темпом и продолжительностью формирования *экономического стиля* высоких культур (*Шпенглер 1998, 497*). Немаловажно было и то, что авторитетный экономист и философ А.А. Погребняк использовал это понятие в названии своей кандидатской диссертации: «Экономика постмодерна: научная парадигма и хозяйственный стиль» (*Погребняк 2000*). Достаточно близко к этим

двум дефинициям будет и активно используемое в последнее время понятие экономической культуры, определяемое Розмайнским как «совокупность ценностей, норм, стереотипов и элементов хозяйственного быта, формирующих предпочтения людей и воздействующих на неформальные правила игры».

Вопрос о типологии капитализма в известной степени продолжает начатый разговор об уточнении понятий, а также еще раз отсылает к Веберу. Не является ли понятие «традиционный капитализм» оксюмороном? В данном контексте — нет. Для экономиста-историка очевидно, что существуют разные типы и виды капитализма как в диахроническом, так и синхроническом измерении. Внимательный к лексическому словарю Ф. Бродель справедливо отмечает, что капитализм понятие, которое появилось значительно позже капитала и капиталиста. Оно встречается у Прудона, но не у Маркса. В обыденном словоупотреблении — это антоним социализма. Вебер пытается постичь внутренние причины развития и происхождения современного капитализма. Капитализм по Веберу существовал еще в Древней Греции и Древнем Риме. Применяя метод идеальных типов, Вебер дает типологию капитализма: современный, традиционный, авантюристический. Предпосылками развития современного капитализма Вебер считает наличие прав собственности на средства производства, свободу рынка, рациональную технику, рациональное право, свободу труда, широкое использование ценных бумаг и акционерных обществ, спекуляцию (Вебер 2001, 254–263). Наряду с *современным* капитализмом — понятие Вернера Зомбарта — Вебер упоминает и другие типы: авантюристический и традиционный. Работа скупщика изделий крестьян с рабочим днем в 5–6 часов, сочетающаяся с частым посещением «клуба», кружкой пива по вечерам, семейными праздниками и размеренной спокойной жизнью трактуется как традиционная. Имея капиталистическую форму организации, работа эта представляла традиционный капитализм: «и тем не менее это «традиционалистское» хозяйство, если принять во внимание дух, которым оно проникнуто. В основе подобного хозяйства лежало стремление сохранить традиционный образ жизни, традиционную прибыль, традиционный рабочий день, традиционное ведение дел, традиционные отношения с рабочими и традиционный, по существу, круг клиентов, а также традиционные методы в привлечении покупателей и в сбыте ...» (Вебер 1991, 87). Традиционный капитализм указывает на то, что хоть это и капитализм, т. е. в нем наличествуют частная форма присвоения, капитальные затраты, наемная рабочая сила, но мотивация участников еще задается внеэкономическими ценностями и целями. «Созидательное разрушение» Шумпетера относится уже строго к современному капитализму, а не к капитализму вообще. Иными словами, элементы капитализма существовали задолго до его индустриальной фазы. К примеру, Маркс указывал на XVI в. как на время появления капиталистического способа производства. Вопрос разъяснения терминологии совершенно оправдан именно потому, что многие авторы по-разному определяют это понятие. Скажем, Бродель считает крайне важным различать рыночную экономику и капитализм. Рыночная экономика развивается в условиях свободной конкуренции и образует собой безличное пространство, тогда как капитализм является непрозрачной зоной, где конкретные люди — сильные мира сего, влиятельные политики и бизнесмены — принимают решения за закрытыми дверями. Эти два этажа функционируют в разных логиках (Бродель 1984, 34).

Возвращаясь от методологических и терминологических вопросов к конкретному их приложению к экономической истории русского старообрядчества, следует отметить, что проблема развития и типологии русского капитализма много обсуждалась и в дореволюционной России. К примеру, народники Н. Даниэльсон и В.П. Воронцов и марксисты М.И. Туган-Барановский, В.И. Ленин имели чуть ли не противоположное мнение по вопросу о степени развития и судьбах капитализма в России. Это отдельная большая тема. Акцент в книге намеренно сделан на периоде генезиса и относительного расцвета старообрядческого предпринимательства. Описание географически ограничено преимущественно Москвой и Петербургом, подробно рассмотрена в основном наиболее значительная — текстильная промышленность. В более полную картину необходимо включить Север и Урал с их горно-металлургической промышленностью Екатеринбург, Нижнего Тагила, Невьянска. В отдалении от центра большое число технократов и воротил этой отрасли были именно старообрядцами. Немалый интерес представляют и успехи в многочисленных промыслах: Палех, Мстера, Гжель.

Торговля и промыслы активно развивались в сельских районах, где оброк преобладал над барщиной, а земледелие не давало возможности прокормить всех жителей. Именно в таких районах часто формировались промысловые и торговые центры, из которых вырастает кустарная, а затем и фабричная промышленность. Торговая активность совпадала с промышленной.

К этим районам следует отнести Московскую, Владимирскую, Ивановскую губернии, к которым относятся известные своими иконописными промыслами упомянутые Мстера, Палех и Гжель.

Старообрядцы ловко сумели обратить недостаток в свое преимущество, гонения и преследования — в особые отношения с властью. С.А. Зеньковский упоминает, что Преображенская община была обязана Ефиму Грачеву официальным статусом, который община приобрела в 1808 г.: «Для ходатайств и хлопот совет общины послал в Петербург ловкого купца Е. Грачева, снабдив его очень большими средствами для «устранения препятствий». Е. Грачев сумел купить помощь министра внутренних дел князя А.Б. Куракина и его помощника по старообрядческим делам Martier (*Мартье*), которые в несколько месяцев добились от императора Александра I легализации общины и гарантий ее свободы от вмешательства сверху» (Зеньковский 2006, 436).

Ловкий купец Ефим Грачев (1743 г.р.) — это сын первостатейного крестьянина Ивана Ивановича Грачева (1706 г.р.) — крепостного (*Разгон* 1950, 138–139). Происхождение капиталов И.И. Грачева неизвестно, упоминается, что земли он получил по наследству и, возможно, разбогател от удачных мелких торговых операций. Сохранились сведения, что приобретаемые им земли записывались на князя А.М. Черкасского, которому Грачев ни раз предоставлял деньги в долг (*Степанов* 1928, 214). В 1748 г. он уже просил графа П.Б. Шереметьева — нового владельца Иваново — о позволении на собственные деньги устроить полотняную фабрику (*Степанов* 1928, 215). Крестьяне противились этой инициативе и пытались воспрепятствовать строительству, однако графу было выгодно устройство фабрик. Грачев быстро побеждает конкурента Бутримова. В 1765 г. у братьев Грачевых числится уже 384 стана (*Степанов* 1928, 227). Сбыт продукции шел сначала за границу через Петербург и Архангельск. Начиная с 1770-х гг., есть сведения, что Грачевы через приказчиков покупали бумагу, пришедшую из Сибири, из Азии, а конечным продуктом постоянно торговали в Москве в «крашенинном ряду» (*Разгон* 1950, 157). А.И. Разгон показывает, что Грачевым удавалось одерживать верх в конкуренции с купеческим капиталом и обеспечивать себе более менее монопольное положение на местном рынке. В 1795 г. происходит выкуп Е.И. Грачева на волю. В уплату пошли 135 тыс. руб., две фабрики и все земли с покупными крестьянами, которые оценивались еще более чем в сотню тысяч (*Степанов* 1928, 232). Почти четверть млн руб. за выкуп на свободу — цифра по тем временам просто фантастическая. В дальнейшем Грачев смог убедить графа через высокопоставленных сановников продать фабрику. В 1808 г. фабрика становится одной из крупнейших: 900 станок, общая стоимость производства превысила один млн руб., рабочих было занято 1200 человек (*Степанов* 1928, 241). Грачев умел добиваться успеха во многих делах — в 1812 г. он помог переехать 250 прихожанкам Преображенского дома в Иваново и укрыть капиталы и ценности. Как благотворитель он вносил пожертвования даже в Московский университет (*Степанов* 1928, 243). Данная история, не вошедшая в книгу, еще раз показывает этот крайне востребованный момент в экономической истории России, когда на передовые позиции с явным опережением выдвигаются крестьяне-старообрядцы. Фабрика с более чем тысячей наемных работников, большим торговым оборотом, вложением средств в основной капитал (оборудование и станки) — это уже зарождение капитализма. Конечно, общинный капитал, на первых этапах играл особо важную роль. Часто такие дела двигали активные деятели, только что перешедшие из официального православия. В истории неофиты очень часто оказывались на ведущих позициях.

Позволю себе не полностью согласиться с тем доводом, что торговля в России обладала низким статусом. Конечно, ей занимались представители третьего сословия, а само разделение предполагало, что аристократу заниматься ей не пристало. Все же в России не было ничего подобного европейской средневековой практике запрещения процента. Вопрос торговли и ростовщичества не стоял настолько остро, поэтому и последующие послабления не могли оказать решающего значения. Достаточно вспомнить, что сами монастыри были активно вовлечены в торговлю разного рода, в том числе и деньгами.

Кроме того, староверы, хоть и являлись преследуемой конфессиональной группой с четкими типологическими отличиями во внешнем виде и поведении, но все же являлись особой группой для истории России. Для начала XX в. их сложнее ставить в один ряд с азербайджанцами, которые держали в столицах кафе, с иудеями, преуспевавшими в государственных подрядах, торговле драгоценностями и аптечном деле, с протестантами, которые были умелыми финансистами, техниками и инженерами на фабриках. Сложнее по причине того, что старообрядцы зачастую отнюдь не были «чужаками». Характерна в этом смысле неточность одного из чиновников МВД, который в 50-х гг. XIX в. всех, кто использовал дома лестовки и подручники, отнес к старообрядчеству. Это происходило потому, что во многих регионах старо-

обрядчество было трудно различимо с народным православием. В части взаимодействия с властью у этих групп было много общего, но в части обеспечения легитимности своих действий среди большей части населения старообрядцы выделялись. В каком-то смысле «чужаками» были остальные жители, отринувшие старую веру, старые книги, старый быт. Далеко не все старообрядчество можно отнести к «сектантской» или «гетеродоксальной» части российского общества. По сравнению с попечителями и прихожанами Рогожского кладбища в большей степени «чужаками» были чиновники иностранного происхождения и вероисповедания, гладко выбритые и одетые по последней моде.

Изданная книга посвящена наиболее важным и ярким страницам истории старообрядческого предпринимательства. Последние же годы я начал изучать хозяйственные аспекты современной истории старообрядчества. Казалось бы экономические успехи старообрядцев остались в прошлом. Однако это не так. Примерами тому могут служить Молдова и Бразилия, где я бывал в полевых экспедициях. Опыт адаптации к рынку в Молдове был описан мной ранее (Расков 2009). Остановимся чуть подробнее на экономическом опыте староверов Бразилии¹.

Они были гонимы в России и Китае, но в Америке, где был реализован их трудовой и предпринимательский потенциал, уже не подвергались гонениям. Группа староверов, принадлежащих часовенному согласию, вынужденно покинула пределы России в 20–30-е гг. XX в.; в Латинскую Америку бежали от коммунистического строя Китая в конце 50-х–начале 60-х гг. XX в. Первоначально поселились в штате Парана, в 1970-е гг. стали активно осваивать новые земли в других штатах — Гойяс, Мату Гроссу, а затем и в других странах: Аргентина, Уругвай, Боливия, США.

Идеал экономического уклада — это семейное дело как самостоятельное независимое хозяйство, обеспечивающее нужды семьи и позволяющее развивать бизнес.

Среди них распространена и типична идеология самостоятельного, предприимчивого, осторожного хозяина. Хозяин в отличие от работника постоянно трудится и думает, как улучшить свое хозяйство, смотрит что способствовало успеху других, пытается подражать, заимствовать, изобретать. В какой-то степени идея единоличного, независимого ни от кого хозяина вытесняет даже идею общины. Если спросить прямо, то взаимопомощь в общине не афишируется. Тем не менее, многие истории говорят о том, что в трудную минуту *свои* могли помочь деньгами, предоставить земельный участок для начального развития дела. Идеал — сильный, независимый хозяин. Изредка используется кооперативная форма взаимодействия. Как правило, староверы вступают в более крупные кооперативы, которые позволяют покупать технику дешевле, иметь более простой и понятный сбыт продукции. Преимущественное занятие — земледелие (выращивание сои, кукурузы, риса), иногда животноводство. Основа — земельная собственность и интенсивное хозяйство с использованием удобрений, химикатов, современной техники сева, обработки и жатвы. Много побочных занятий, помогающих диверсифицировать получение доходов: рыболовство, сдача в аренду техники и земли, выращивание живности рядом с домом, покупка и сдача в аренду недвижимости в городе, плотницкие работы, рукоделие и ткачество, изготовление предметов культа; торговля как вид деятельности встречается крайне редко.

С точки зрения хозяйственной этики, староверы наследуют идеалы крепкого русского крестьянства, трудолюбивы, полагаются исключительно на силы собственной семьи, иногда родственников. Эсхатологические настроения не ярко выражены, что говорит о типологической близости к поповству. В общинах сохранен тип патриархальной семьи начала XX в., когда к семидесяти годам типичный хозяин подходит с 8–12 детьми, 50 внуками и 60 правнуками. В экономической деятельности используются последние технические и научные достижения: генномодифицированная соя, ядохимикаты, самые современные тракторы и комбайны. Часто встречается рефлексия на тему конфликта нового и старого, богатства, развития техники и сохранения веры.

Трудолюбие, бережливость сыграли огромную роль для первоначального накопления и роста благосостояния. Фактически пришлось поднимать хозяйства с нуля, начинать заново. Некогда бесхозная земля, которая продавалась за бесценок, теперь стала одной из самых дорогих в Бразилии. Источник этого — не в ренте, а в непосредственном труде. Зачастую семья, уже достаточно состоятельная, чтобы нанимать работников, сама продолжает трудиться. По общему признанию к богатству ведет трудолюбие: *«Без работы — бесово решето»*. В не-

¹ По результатам полевой комплексной экспедиции «Язык, певческая культура, экономическая деятельность старообрядцев Южной Америки» 2010. РГНФ, № 10-04-18009е и 2011. РГНФ, № 11-04-18027е (рук. О.Г. Ровнова).

которых случаях наблюдалась сакрализации труда с переносом в эту сферу ответственности, призвания, буквальной требовательности, изначально характерных для религиозной жизни. В разделении на «чистое» и «поганое», которое четко прослеживается у часовенных, работа все больше занимает место священного ритуала. Тем самым, особые черты хозяйственного стиля в сочетании с добродетелями самостоятельного хозяина сыграли важную роль в стремительной экспансии хозяйств староверов в Латинской Америке. Надо отметить также, что староверы продолжали жить достаточно замкнутыми общинами, что позволило сохранить язык и бытовые особенности.

Таким образом, выбор в пользу лишь одного из факторов — хозяйственная этика или социальное положение — далеко не столь однозначен.

ЛИТЕРАТУРА

Арриги Дж. (2006). Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего.

Бродель Ф. (1986). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3-х т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс. 34.

Вебер М. (2001). История хозяйства. Город. М. 254–263.

Вебер М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.

Зеньковский С.А. (2006). Русское старообрядчество. В 2-х т. Сост. Г.М. Прохоров. М. 436.

Погребняк А.А. (2000). Экономика Постмодерна: научная парадигма и хозяйственный стиль. Автореферат на соискание степени кандидата экономических наук. СПб.

Разгон А.М. (1950). Промышленные и торговые слободы и села Владимирской губернии во второй половине XVIII в. // Исторические записки. Отв. ред. Б.Д. Греков. М. Из-во АН СССР. 138–139.

Расков Д.Е. (2004). Старообрядческая Традиция и Постмодерн // *Философия хозяйства*. № 1. 111–124.

Расков Д.Е. (2009). Экономическое чудо с. Покровка: к вопросу об адаптации к рынку старообрядцев Бессарабии // *Традиционная культура*. № 1. 111–119.

Румянцев М.А. (2012). К познанию традиций отечественного хозяйствования. О книге Д.Е. Раскова «Экономические институты старообрядчества» // *Проблемы современной экономики*. № 2. 463–465.

Степанов А. (1928). Крестьяне фабриканты Грачевы: к характеристике крепостных капиталистов 1-ой пол. XVIII – нач. XIX в. // Записки историко-бытового Отдела Государственного Русского музея.

Шпенглер О. (1998). Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль.

Arrunada, B. (2009). Protestants and Catholics: similar work ethic, different social ethic // *The Economic Journal*. September. 890–918.

Becker, S. and Woessmann, L. (2007). Was Weber wrong? A Human capital theory of protestant economic history // *CESIFO Working Paper 1987*. May.